

ПРАЗДНОВАНИЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ В ВОСПРИЯТИИ СТАРОРУССКОГО ИСПРАВНИКА П.И. НОВИКОВА

А.В.Кошелев

(кандидат филологических наук, доцент, Великий Новгород, Россия)

У статті досліджується погляд староросійського справника П.І.Новикова на святкування тисячоліття Росії.

The article examines the view of starorosiysky spravnyk P.I. Novikov at Russia's celebration of the Millennium.

В середине сентября 2009 года в Новгороде, который только что шумно отпраздновал свой 1150-летний юбилей, состоялось заседание президиумов Госсовета и совета при Президенте России по культуре и искусству, посвященное вопросам сохранения культурно-исторического наследия. На этом заседании было принято решение отметить 1150-летний юбилей российской государственности. Праздник пройдет в 2012 году в Новгороде.

Юбилей (тысячелетний) государства в России праздновали лишь однажды – 8 сентября 1862 году, когда в Новгороде, в присутствии Александра II, был открыт знаменитый микешинский памятник. Сто лет спустя, в 1962 году, никому не пришло в голову отмечать 1100-летний юбилей российского государства (хотя тремя годами ранее, в 1959 году, в Новгороде состоялись торжества, посвященные юбилею города): такая затея вообще вряд ли была возможна в хрущевские времена. Сейчас же этот праздник приобретает в глазах властей важное значение. Характерен диалог, состоявшийся между режиссером Никитой Михалковым и Президентом Медведевым на упомянутом заседании.

Никита Михалков, выступивший с этим предложением, отметил прежде всего «коммерческую» привлекательность этого проекта: в Новгород нужно привлечь туристов, а сделать это удобнее всего под звучной «этикеткой»: «Великий Новгород – это такая же древняя столица в России, как Киото в Японии». Новгород «притянет» туристов лишь тогда, когда приобретет «статус древней столицы Руси». Президент Медведев, поддержав эту идею, предложил отметить юбилей с государственным размахом.

Предстоящие торжества в Новгороде заставляют вспомнить события 150-летней давности.

Юбилей 1862 года праздновали, хоть и не так пышно, не только в Новгороде, но и в столице. Корреспондент «Отечественных записок» сообщал: «В Петербурге 8 сентября, в день празднования тысячелетия, по высочайшему повелению, был устроен для народа праздник с музыкою, песенниками и эквилибристами, а вечером – иллюминация. Расходы на этот праздник повелено отнести на счет городской казны» (1, 36). Торжества коснулись и других славянских государств. Военный министр Д.А. Милютин отмечал в своих мемуарах, что к нему было приурочено вручение наград ученым, среди отмеченных были сербский филолог Ян-Эрнест Смоляр, чешский историк Франц Палацкий, хорватский ученый Иван Кукулевич-Сакцинский и др. Были награждены и украинцы: писатель и лексикограф В.И. Даль, филолог И.И. Срезневский (см.: 2, 390).

В 1862 году император Александр II, по справедливому замечанию современной исследовательницы, «воспользовался легендарной годовщиной, чтобы устроить грандиозный спектакль, рассчитанный на всероссийского зрителя и призванный утвердить в массовом сознании образ нового царствования. То обстоятельство, что начало нового тысячелетия русской истории совпало с эпохой кардинального преобразования государства, было использовано. Устроители торжества придали этому совпадению символический смысл, превратив праздник в зримое свидетельство новой стратегии власти <...>» (3, 141). Как воспринимался этот символический смысл праздника местным обывателем?

Старорусский уездный исправник Петр Иванович Новиков (ок. 1828-1889), в 1862 году – подполковник (свою службу окончил полковником, был командирован в Новгород для исполнения своих служебных обязанностей: будучи полицмейстером, он должен был надзирать за порядком во время торжеств. Долгие годы он вел дневник (см.: 4), куда практически ежедневно заносил самые незначительные события своей жизни.

Новиков с неохотой согласился на поездку в Новгород. Письмо от недавно назначенного гражданского губернатора В.Я. Скарятин с распоряжением прибыть в Новгород он, как мы видим из дневника, получил 23 августа, а через четыре дня с ним встретился Э.В. Лерхе, вице-губернатор, который настаивал на этой поездке и обещал поощрения: «Сегодня в <нрзб>-ть часов поехал к Лерхе, от которого узнал, что мне открещиваться от настоящей командировки не ловко, причем он сообщил мне, что он

представляет меня к Станиславу на шею – но я при этом поблагодарил его, просил лучше представить меня к чину и он дал слово» (запись от 27 августа).

Серьезные жизненные обстоятельства задерживали его в Старой Руссе. 28 марта того года Новиков потерял жену, скончавшуюся от родов. В этот день он записал в дневнике: «С потерей А.О. я потерял жену, друга, мать 6-х детей, и кроме этого половину, если не более, моей головы». Некоторые его дети выросли (старший сын Иван учится в Петербурге), но кому доверить маленьких?

В 1862 году Петр Иванович переживает роман с Софьей Ивановной Лутковской. Он был знаком с нею и до смерти жены, но взаимное чувство они начали испытывать друг к другу лишь после ее кончины. Софья Васильевна – замужняя дама, имеющая детей, постоянно проживающая в Новгороде, но приезжавшая в Старую Руссу в теплое время года.

Взаимную симпатию скоро нельзя было скрыть от мужа Софьи Васильевны, Осипа Васильевича, статского советника, управляющего Новгородской удельной конторой (см.: 5, 27): «С.В. сказала мне, что она ничего не скрывает от мужа и сказала ему, что она очень меня любит. Я сегодня спрашивал С.В., перейти ли мне в Новгород, и она ответила, молчала <?>, что это от меня зависит – и когда мы целовались с ней, она просила меня, чтобы непременно перешел» (запись от 1 июля).

Эти обстоятельства необходимо учитывать при характеристике дневника старорусского исправника. В дни празднования Петр Иванович был озабочен более своими личными проблемами – в своем дневнике он подробно описывает свои встречи с любимой женщиной – общероссийское же торжество интересует его главным образом в связи с его профессиональными обязанностями: «Народу была тьма, но порядок был удивительный», «сделал наряд», «нашел команды все в исправности»...

Вот запись от 8 сентября: «Сегодня я отправился в крепость в 9-ть часов – войска были уже на своем месте – народу было пропасть, который, однако, стоял в порядке. В 11 часов началась обедня – в это время государь со всей свитой объехал все войска, после этого вернулся во дворец и вместе с государыней пошел в собор (Софийский собор в Новгороде – А.К.), где за ними и вся царская фамилия, а перед тем, чтобы объезжать войско, он принимал нов.<городское> дворянство, купечество и всех чиновников Нов.<города>. По окончании обедни был выход сначала духовенства, а потом царской фамилии и двора в палатку, приготовленную на возвышении около памятника. В доме присутственных мест и в нарочно выстроенных местах было очень много публики, и кроме этого вся площадь была занята народом и войсками. По окончании молебствия государь пропустил мимо императрицы все войска по полувзводно церемониальным маршем. После этого все отправились на обед, который был устроен нов.<городским> купечеством для войска. На площади за дворянским собранием были накрыты столы для нижних чинов и был выстроен павильон для офицеров, в котором приготовлена закуска и вино. Вся царская фамилия обошла столы и государь пил здоровье нижних чинов, после этого они уехали, а я по приглашению купечества пошел с знакомыми офицерами завтракать. <...> Город был иллюминирован порядочно – в особенности мне понравилась гимназия. Когда мы возвращались назад, нам у моста показалась вся царская фамилия. Я поехал за ними. Доехавши до полиции, они вернулись обратно и проехали на пристань, отправились в деревню Городище (Рюриково Городище, где находилась княжеская резиденция – А.К.) на лодке, где была иллюминация и парадный ужин для удельных крестьян».

Запись от следующего дня: «Сегодня в 10-ть часов я выехал из дому и объехал все те места, где хотела быть императрица и нашел там команды все в исправности. После я отправился в Кремль, где ожидали государя все головы с хлебом-солью. В 12-м часу вышел государь, принял хлеб-соль и сказал им, что он им дал волю законную и чтобы они другой воли не ожидали – после этого я слышал рассуждения этих голов. Они толковали, что будто бы государь им приказал относиться прямо к нему, если они останутся не довольны. Нечего сказать, хорошо же поняли речь государя».

Особый интерес имеют события предпраздничных дней в описании Петра Ивановича.

Первого сентября Новиков приехал в Новгород. На следующий день в Новгороде произошло следующее событие: «Вчера на пароходе (из Петербурга – А.К.) приехал губернатор, а поэтому я в 11 часов поехал явиться к нему и получить приказание, но едва я доехал до Летнего сада, как заметил на каланче вытянутые шоры. Я спросил извозчика, где пожар, и мне сказал, что горит военный госпиталь по <нрзб>. Я тот же час отправился туда – подъехавши к госпиталю, я увидел, что огонь пробивался сквозь крышу с угла того здания, которое выходило к Летнему саду. Пожарные команды были уже на месте, но распоряжения почти никакого не было. Все суетились, а к делу не приступали.

<...> Строение, которое горело, было деревянное и очень длинное, огонь стал распространяться по всему чердаку и угрожал всем соседним зданиям, которые были весьма близки одно от другого, поэтому мне пришла мысль, чтобы не дать распространиться огню, сломать крышу по середине здания и этим самым спасти другую часть, которая еще не горела.

<...> Я действовал сегодня отлично и на виду всей публики, это ободряло меня. Губернатор постоянно относился ко мне с распоряжениями. Военная команда действовала отлично и много пособила

мне. Причина пожара неизвестна потому, что это строение только что отремонтировано и там никто не жил. Мне говорил один офицер с <нрзб> батальона, что ему говорил смотритель острога, что было получено 3 письма, в которых предупреждали, что будет гореть госпиталь. Но я этим слухам не верю, потому что полиции об этом не было сообщено. Я на пожаре испортил все новое платье и эполеты так, что мне этот пожар влез в карман рублей с лишком 50 – хорошее начало командировки».

Опасения о поджоге подтвердились в ходе следствия, к которому Новиков по просьбе губернатора был привлечен. Петр Иванович в своем дневнике не сообщает его подробности, но перед своим отъездом из Новгорода он заезжал «<...> к губ.<ернскому> стряпчему подписать бумаги, касающиеся до следствия о поджоге (курсив наш – А.К.) госпиталя».

Сведения о пожаре в тот же день дошли до Петербурга. Министр внутренних дел П.А. Валуев отметил в дневнике от 2 сентября: «Весь день дома. Видел разных лиц, ничего особенного, кроме телеграфического известия о пожаре в Новгороде, куда государь едет 7-го числа. Если поджог, неладно» (6, 188).

Тревога Валуева не случайна: новгородский пожар госпиталя соотносился у него с петербургским пожаром, случившимся чуть более трех месяцев назад. «26 мая, в духов день, начался страшный пожар Апраксина двора. Середину двора, почти полверсты в квадрате, занимал тогда Толкучий рынок, весь застроенный деревянными лавочками. Здесь продавались всевозможные подержанные вещи. <...> Позади этого громадного склада горючего материала находилось министерство внутренних дел, в архиве которого хранились все документы, касавшиеся освобождения крестьян; а впереди Толкучего, окаймленного рядом каменных лавок, стоял на другой стороне Садовой Государственный банк. <...> Почти насупротив министерства внутренних дел, на другом берегу Фонтанки, находились огромные дровяные склады. И вот, Апраксин двор и дровяные склады занялись почти одновременно, в четыре часа пополудни.

Будь в это время сильный ветер, огонь уничтожил бы пол-Петербурга, в том числе и Государственный банк, несколько министерств, Гостиный двор, Пажеский корпус и Публичную библиотеку» (7, 104-105).

Публицист В.П. Мещерский отмечал позднее в своих мемуарах: «<...> стали ходить во всех сферах городского населения толки о поджигательстве. Слово *нигилист* стало слышать везде, и нигилисты невинно стали обвиняться как поджигатели и как заговорщики. <...> Было ли что-либо основательное в этой народной молве, я не мог узнать ни тогда, ни после и не слышал ни об одном факте пойманного студента. <...> Но кто были эти поджигатели – мы не знали. Потом стали говорить о следствии, но что открыло оно – также осталось неизвестным» (8, 145; некоторые предположения относительно злоумышленников см., например: 9, 246-247). Не удалось открыть и новгородских поджигателей.

Поджог госпиталя, а также письма со зловещими предупреждениями о готовящемся «теракте» заставили говорить о Новгороде как центре дворянской оппозиции (см.: 3, 143). Дневник старорусского полицейского показывает, насколько равнодушен он был к бурлящей общественной жизни 60-х годов. Описывая свое поведение, догадываясь о поджоге, Новиков не видит никакой «политики», не связывая это преступление ни с петербургскими событиями (о них он, вне всякого сомнения, знал), ни с грядущими новгородскими торжествами. Проявив себя самым лучшим образом при тушении госпиталя, Петр Иванович озабочен лишь убытком в 50 рублей из-за пришедшего в негодность мундира да тем, что его поступок увидела публика во главе с губернатором. «Оппозиционность» новгородских дворян проявилась в нежелании заметить очевидной угрозы.

Пребывание Александра II в Новгороде с 7 по 10 сентября, к счастью, не было омрачено подобными событиями.

Насколько можно судить, и остальные новгородские деятели, волею судеб оказавшиеся в центре российской политической жизни в сентябре 1862 года, оказались столь же отрешенными от российской действительности. П.А. Валуев отметил в своем дневнике после новгородских торжеств: «Императрица с сожалением говорила о неудовольствиях, возбужденных в новгородском дворянском мире тем, что по представлению губернатора губернскому предводителю (имеется в виду князь Михаил Евграфович Мышецкий. 9 сентября он, как предводитель дворянства, стал организатором бала в Дворянском собрании, на котором присутствовал Александр II.) дан только орден св. Анны II степени, а уездным предводителям ничего не дано. Я уже прежде этим озабочивался. Кажется, можно будет поправить *post festum*» (6, 190. После праздника – *лат.*).

Петр Иванович, обойденный наградой, также оказался в числе обиженных.

Новгородскую действительность точно отразил Пушкин в «Путешествии Онегина»:

*Среди равнины полудикой
Он видит Новгород-великой.
Смирились площади – средь них*

*Мятежный колокол утих,
Но бродят тени великанов:
Завоеватель Скандинав,
Законодатель Ярослав
С четою грозных Иоаннов,
И вокруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней* (10, VI, 496).

Ничтожное настоящее Новгорода 20-х годов XIX века, в противовес его великому прошлому, описанное Пушкиным, характерно и для города сентября 1862 года.

1. Отечественные записки. – 1862. – №9.
2. Милютин Д.А. Воспоминания. 1860-1862. – М., 1999.
3. Майорова О. Бессмертный Рюрик. Празднование Тысячелетия России в 1862 году // Новое литературное обозрение. – 2000. – №3(43).
4. Новиков П.И. Дневник // Государственный исторический архив Новгородской области (ГИАНО). Ф. 719. Оп. 1. № 5. Л. 326 об. – 332. Впервые опубл. (с пропусками): Данько Т.А. «Государь сказал ... что этот день останется памятен для него...» Дневник П.И. Новикова. 5-10 сентября 1862 г. // Новгородский архивный вестник. – 1999. – №1. Дневник Новикова цитируется нами по архивному источнику.
5. Памятная книжка Новгородской губернии на 1863 г. – Новгород, 1863.
6. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х т. Т. 1. 1861-1864. – М., 1961.
7. Кропоткин П.А. Записки революционера. – М.-Л., 1933.
8. Мещерский В.П. Воспоминания. – М., 2003.
9. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – М., 1993.
10. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – М.-Л., 1937-1949.